

СОВРЕМЕННОСТЬ И СМЫСЛ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Проблема смысла жизни является центральной на протяжении всего развития человечества, несмотря на происходящие в истории общества социальные и политические перевороты, локальные и мировые войны, засилье многих идеологических концепций, уводящих от вышеупомянутого вопроса.

Древнейшие восточные религиозные и философские идеи также не обошли стороной проблему смысла жизни: в высказываниях восточных мудрецов мы находим интересные ответы, где тоска по божественной истине, полноте сквозит в каждом слове.

Буддизм является одной из первых мировых религий избавления. Его идеи воплотили в себе всеобщую жажду спасения человеческой жизни, наполненной страданиями и разочарованиями. Смысл жизни, по буддизму, заключается в том, чтобы постигнуть причины страданий и освободиться от них. Но для этого необходимы определенные условия: правильное понимание жизни, решимость, правильная речь, непричинение зла живому, правильный образ жизни, борьба с соблазном, дурными мыслями, внимание, сосредоточение. Поэтому цель жизни – спасение путем растворения в Нирване, смысл жизни – переживание единства со всем сущим. «Мало где еще необходимость спасения была осознана столь остро, как в буддизме, нигде тоска по божественной полноте не облеклась в столь прекрасные формы, как в буддийских писаниях», – справедливо отмечает А. Менъ [1].

Спокойное и умиротворенное отношение к жизни, смерти и бессмертию, стремление к просветлению и освобождению от зла характерно для многих философских воззрений, религий и культов Индии. Тем не менее, именно в буддизме мы находим ответы на три важнейших вопроса эпохи. Будда признавал, что для истинно спасающегося касты не существует; он осудил обряды и слепую веру и авторитет священных книг; он поставил себя вне философских школ и сект, тем самым показывая их бесплодность. Все в мире – тщета, кроме одного: избавления от страданий путем преодоления желаний и страстей.

Конфуцианский идеал явился первой попыткой сформулировать учение о том, что конечная цель человека – чисто земная, что нравственность может быть укреплена независимо от религии, что высшие запросы духа могут быть устранены из сознания, а трагичность жизни преодолена созданием гармоничного общества. Совершенно очевидно, что эта доктрина являлась общечеловеческим соблазном, а не просто китайским изобретением.

Представители даосизма познают смысл жизни путем странствия в Дао. Все сущее имеет единую первооснову – Дао (путь, бог, слово, смысл). Необходимо постигнуть Дао, и все вопросы отпадут, в том числе, и о смысле жизни. Кто свободен от страстей, считает Лао-цзы, тот видит чудесную тайну Дао, а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Человеческие знания, науку и просвещение, обычаи и социальные нормы цивилизации – все это Лао-цзы безоговорочно отменяет. Китайскую идеализацию прошлого он доводит до последнего логического конца, почти до абсурда. Следует искать мудрости не у древних царей, не у предков и не в ритуальных правилах, а у самого Дао, у человека, духовно соединившегося с Ним. Такой человек стоит выше земных желаний, он сохраняет покой в душе своей, возвышаясь надо всем. В этом его божественность. «Побеждающий людей – силен. Побеждающий себя – могуществен». Сверхчеловек не ведает мстительных чувств, он воздает добром за зло, ему не знаком страх, ибо «для него не существует смерти», – читаем в Дао дэ цзине [2].

Легко понять, почему такой отрешенный идеал не мог найти широкого отклика среди китайского народа, озабоченного прежде всего устройством своих земных дел. Народу, чтившему древних царей, он объявил, что их законы несовершенны. Людям, хлопочущим о земном благополучии, он предлагал оставить все заботы и целиком положиться на «естественность». Пожалуй, наиболее прямыми духовными наследниками «Дао дэ цзина» явились люди искусства. В атмосфере умеренности и здравого смысла китайские поэты умели, сбросив все путы, сбросить священное безумие, которое завещал им Лао-цзы.

Осью христианства является не просто вера в сокровенное верховное начало и не горделивое самоутверждение твари; центр его – Богочеловек, откровение Сущего через конкретную Личность, Мессию, «распятого за нас при Понтии Пилате». Такого не знала ни одна религия, ни одно философское учение. Пусть Будда Гаутама действительно достиг просветления Нирваны, пусть Платон познал «Отца

всяческих» как предельное Благо, а Магомет – как абсолютную Мошь, но только Назаретский Учитель сказал: «Видевший Меня – видел Отца»...

Христианство – религия спасения. Однако спасение не сводится для него к посмертной участи отдельных душ. Оно должно охватить все творение Божие. И только единение со Христом делает людей носителями высшего бытия, помогает им не отвергнуть, но освятить мир, приобщить его к божественной жизни, вернуть Творцу «умноженные таланты». «Христианская любовь, – говорит Тейяр де Шарден, – есть нечто непостижимое для тех, кто не пережил ее в опыте. Многим людям, которых я знаю, кажется невероятным, почти фантастическим, что можно любить Бесконечное и Неисследимое, что сердце человека может биться истинной любовью к своему ближнему. И однако... это чувство существует, и оно необычайно сильно» [3].

В христианстве полагается, что человек должен совершенствовать себя, чтобы стать свободной духовной личностью подобно Богу. Для этого ему и дана жизнь. Такое понимание смысла жизни исходит из ветхозаветного положения: «День смерти лучше дня рождения» (Экклезиаст) и новозаветной заповеди Христа: «...я имею ключи от ада и смерти». Следовательно, целью жизни человека является движение к жизни вечной. Без осознания этого земная жизнь превращается в сон, пустую и праздную мечту. В сущности, она есть только приготовление к жизни вечной, которая не за горами для каждого. Смерть разрушает не тело, а тленность его и поэтому она – не конец, а начало жизни вечной. Христианство категорически осуждает самоубийство, так как человек не принадлежит себе, его жизнь и смерть «в воле Божьей».

Другая мировая религия – ислам – исходит из факта сотворенности человека волей всемогущего Аллаха, который, прежде всего, милосерден. В отличие от христианства, земная жизнь в исламе оценивается высоко. Тем не менее, в Последний день все будет уничтожено, а умершие воскреснут и предстанут перед Аллахом для окончательного суда. Разрушение всей Вселенной в день Справедливого суда предполагает творение нового совершенного мира. О каждом человеке будет представлена «запись» деяний и мыслей, даже самых тайных, и вынесен соответствующий приговор. Таким образом, восторжествует принцип верховенства законов морали и разума над физическими закономерностями. Морально чистый человек не может находиться в униженном положении, как это имеет место в реальном мире.

Современные интерпретации смысла жизни самые различные: часто они имеют древние корни, но развиваются в новых формах. Чаще всего современный человек пользуется рационалистическим мировоззрением. По мнению Э. Фромма, смысл жизни – это самостоятельный осознанный выбор тех ценностей, которые ориентируют человека не на то, чтобы иметь, а на то чтобы быть. В этой интерпретации смысл жизни заключается в совершенствовании себя и мира вокруг нас.

В истории духовной жизни человечества было немало концепций, основанных на безрелигиозном и атеистическом подходе к миру и человеку, где земная жизнь – это все, а смерть – непреодолимая трагедия, которая, в сущности, делает жизнь бессмысленной. Л.Н. Толстой в своей знаменитой исповеди мучительно пытался найти в жизни тот смысл, который бы не уничтожался неизбежно предстоящей каждому человеку смертью.

В такой группе общества, как студенчество, вопрос о смысле жизни порождает самые разнообразные мнения. И многие из них часто имеют корни в древних, средневековых философских и религиозных идеях, а некоторые базируются на позициях современной науки и философии. Для кого-то этот вопрос еще не актуален, так как к подобным раздумьям приводят чаще всего тяготы жизни, а в молодом возрасте они еще не всеми пройдены.

-
1. Мень А. История религии. В поисках пути, истины и жизни. – М., 1992. – С. 7.
 2. Цит. по: Мо-жо. Философия древнего Китая. – М., 1961. – С. 281.
 3. Тейяр де Шарден. Божественная среда. – М., 2003. – С. 163.